

МИГРАЦИОННАЯ СОЦИОЛИНГВИСТИКА

MIGRATIONAL SOCIOLINGUISTICS

УДК 81'272

DOI: 10.37892/2713-2951-2021-1-5-91-112

КУЛЬТУРНАЯ И ЯЗЫКОВАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ БУРЯТСКИХ, КАЛМЫЦКИХ, МОНГОЛЬСКИХ ИММИГРАНТОВ В ИТАЛИИ¹⁴

Даниэле Артони, Джорджа Помаролли, Римма А. Урханова
Веронский университет, Италия

Статья посвящена определению параметров языковой и культурной самоидентификации представителей бурятской, калмыцкой и монгольской иммиграции в Италии. Описывается социолингвистическая характеристика представителей трех этнических групп в связи с языковой ситуацией, соответственно, в Республике Бурятия, Республике Калмыкия и Монголии. Выделяются элементы аналогии и различия между «российскими монголами» и халха-монголами. Определяется статус принадлежащих к монголоязычным культурам иммигрантов в итальянском контексте. В статье излагаются результаты эмпирической верификации критериев и стратегий самоидентификации иммигрантов бурятского, калмыцкого и халха-монгольского происхождения посредством анализа данных, собранных с помощью анкетирования и группового интервью. Демонстрируется общая для них тенденция к реапроприации своей этнической идентичности в условиях существования за пределами родины.

Как показывают результаты проекта, сознательное возвращение к своим корням происходит у иммигрантов из монгольских этносов в Италии посредством реализации двух основных стратегий: (1) через проявления этнического активизма и (2) через изучение этнического языка, так как значительное число иммигрантов-респондентов им не владеет.

Ключевые слова: буряты, калмыки, халха-монголы, иммиграция, культурная и языковая идентичность, самоидентификация, этнический язык, транслингвизм

CULTURAL AND LINGUISTIC IDENTITY OF BURYAT, KALMYK, AND MONGOLIAN IMMIGRANTS IN ITALY

Daniele Artoni, Giorgia Pomarolli, Rimma A. Urkhanova
University of Verona, Italy

The paper focuses on the definition of linguistic and cultural parameters used to identify the Self among Buryat, Kalmyk, and Mongolian immigrants in the Italian context. After a description of the sociolinguistic features of the three ethnic groups – connected to language policies in the Republic of Buryatia, Republic of Kalmykia, and Mongolia respectively – we outlined analogies and differences

¹⁴ В статье разделы 1 и 4 были написаны Р.А. Урхановой, разделы 2.1 и 3.1 – Д. Артони, разделы 2.2 и 3.2 – Дж. Помаролли; общая стилистическая редакция – Р.А. Урхановой.

between the so-called Russian Mongols and Khalka Mongols, and the status of Mongolian immigrants in Italy. An empirical research was carried out among members of the abovementioned groups via (i) online surveys and (ii) focus groups. Mixed methods of quantitative and qualitative analysis conducted on the collected data demonstrated an overall tendency to identity re-appropriation strategies, such as ethnic activism and learning one's ethnic language, despite the high rate of translingual subjects among Buryats and Kalmyks.

Keywords: *Buryats, Kalmyks, Khalkha Mongols, immigration, cultural and linguistic identity, self-identity, ethnic language, Translingualism*

1. Введение

Существование в современном глобальном мире характеризуется множеством противоречивых тенденций, а значит, ставит живущего в нем человека во все более меняющиеся условия, лишая его тех основ, которые в жизни ещё предыдущего поколения казались незыблемыми. К таким меняющимся реалиям относится и взаимосвязь человека с тем социально-групповым сообществом, к которому он себя привык относить и с которым он себя идентифицировал. Одним из феноменов, который влияет на идентификацию современного человека, являются миграционные процессы, усиливающиеся в последнее время в силу обстоятельств личного или общественно-экономического характера. Италия, в историческом контексте не раз переживавшая периоды массового исхода своих граждан в разные уголки мира, по причинам, прежде всего, экономическим, в последние десятилетия стала страной, принимающей многочисленных иммигрантов. Согласно статистике [Caritas In Migration, 2019], на 2019 г. на общую численность населения этой европейской страны приходилось 8,7% иностранцев (это более пяти с половиной миллионов человек), из них большую часть (23%) составляли выходцы из Румынии. Число выходцев из России за последние годы выросло – с 34 483 человек в 2013 г. до 39 484 человек в конце 2019 г. [TuttaItalia, 2019a]. В контексте нашего исследования важно привести и число иммигрантов из Монголии, которых немного – на конец 2019 г. было зарегистрировано всего 212 человек [Tutta Italia, 2019 b], что на 21,8% больше, чем в 2013 г.

Социолингвистическому исследованию русскоязычных иммигрантов в Италии, включая выходцев из других республик бывшего СССР, была посвящена монография М. Перотто [Perotto, 2009] – оно проводилось в начале двухтысячных годов. Языковой портрет представителей других народов Российской Федерации, которые также присутствуют в безликой национальной статистике, до сих пор не становился предметом социолингвистических исследований в итальянском контексте. Наряду с этническими русскими, в Италии постоянно проживают татары, башкиры, осетины, кабардинцы, балкарцы, чеченцы, калмыки, буряты и многие другие – словом, представители разных народов

многонациональной России. В своем исследовании мы решили обратиться к социолингвистической характеристике представителей двух монголоязычных народов Российской Федерации (бурят и калмыков), а также выходцев из Монголии: перенесение в иной языковой контекст представителей близких по культуре народов, за последние столетия уже прошедших путь дивергенции, на наш взгляд, может дать интересный повод для размышлений относительно языкового и этнического самосознания индивидуума в новых социальных условиях, в ином культурном контексте, и, вполне возможно, обострить его наиболее глубинные чувства отнесения себя к коллективному сообществу в меняющемся мире. Наш проект вписывается в общее направление социолингвистических исследований, которые в последние годы успешно проводятся в российской науке (например, работы Г.А.Дырхеевой, А.Н. Биткеевой, Э.В. Хилхановой и др.). В первом номере настоящего научного издания за 2020 год вышла статья Э.В.Хилхановой, посвященная анализу языковой и культурной идентичности выходцев из бывшего СССР в Германии и во Франции [Хилханова, 2020]. Наш проект в целом созвучен междисциплинарной направленности опубликованной работы.

Иммигранты, принадлежащие к монголоязычным народам, не образуют в Италии отдельные диаспоры, поскольку отсутствуют такие характеристики, как компактность проживания, многочисленность, организованность, замкнутость группы. Наши респонденты проживают достаточно дисперсно, оказавшись здесь в разные периоды и в силу различных обстоятельств – семейных, профессиональных, экономических. При этом у калмыков, к примеру, наблюдается стремление к созданию группы – это проявляется в совместных празднованиях и достаточно регулярных встречах на отдыхе, в постоянном контакте в социальных сетях. Языковой портрет респондентов в целом отражает социолингвистическую ситуацию, характерную для соответствующих этнических групп. Исходным для нас является тот факт, что халха-монголы владеют родным языком, поэтому интересной и актуальной видится постановка проблемы в отношении представителей второго поколения – мы имеем в виду использование языка детьми иммигрантов. Иной представляется картина в случае с бурятами и калмыками, т.е. с «российскими монголами».

Современный калмыцкий язык, сложившийся на базе торгутского и дербетского диалектов, в 1994 году, наряду с русским, был конституционно закреплен в качестве государственного на территории Республики Калмыкия. Однако провозглашение языка государственным осуществилось в условиях реального калмыцко-русского двуязычия, с преобладающим функционированием русского языка в большинстве сфер общественной жизни [см.: Сусеева, 2018: 118]. При этом, как пишет А.Н. Биткеева, «следует учесть, что в данных переписи населения в Республике Калмыкия указывается число *считающих*

калмыцкий язык родным, а не *говорящих* на нем, поэтому показатель демографической мощности преимущественно свидетельствует о желании знать родной язык, ценностной ориентации калмыков, а не о фактическом владении языком. Так, по переписи населения 1979 г., 91,3 % калмыков назвали калмыцкий язык родным, а в 1989 г. численность этой группы составила 96 %. Как показало наше исследование, в реальности у калмыков России существует значительная разница между низким уровнем знания калмыцкого языка и высоким уровнем языкового самосознания этноса» [Биткеева, 2016: 150].

Если незнание многими калмыками этнического языка можно объяснить, сославшись на исторические обстоятельства, в том числе и массовую депортацию народа в Сибирь (1943–1956) и разрозненное существование представителей этноса в условиях переселения, то в бурятском случае подобные аргументы, связанные с депортацией или недостаточной компактностью проживания, отсутствуют. Трагической депортации не было, но социолингвистическая ситуация довольно схожа, поскольку городское бурятское население нескольких послевоенных поколений общается преимущественно на русском языке. Это связано с особенностями демографической ситуации в республике, поскольку на протяжении последнего столетия число представителей «титульного» народа в республике постепенно уменьшалось¹⁵. В силу того, что буряты составляют менее трети населения республики, функциональные сферы использования бурятского языка заметно сокращены. Г.А. Дырхеева пишет: «Основными языками-компонентами языковой ситуации в Республике Бурятия являются русский и бурятский языки. В связи с тем, что в республике наблюдается демографическое неравновесие, это отражается и на языковой ситуации: русский язык обладает большей демографической мощностью – 99,7% жителей владеют русским языком. Только 13,7% владеет вторым государственным языком, бурятским (в 2002 году было 23,6%). За последнее десятилетие существенно снизилась доля владеющих родным языком среди самих бурят с 81,4% до 43,6%» [Дырхеева, 2018: 318].

Учитывая реальную социолингвистическую ситуацию, сложившуюся в процессе исторического развития в местах проживания бурят и калмыков внутри России, нам представлялось интересным проанализировать вопрос о соотношении уровня владения этническим языком и степенью этнического и языкового самосознания у иммигрантов-россиян и сопоставить это соотношение с ответами халха-монголов. В рамках исследовательского проекта ставилась задача выявления феномена функционального транслингвизма в среде респондентов, с ней был связан аспект наблюдения за фактом устойчивого сохранения

¹⁵Об исторических аспектах формирования современной демографической ситуации в Бурятии см.: Малгатаева, 1995: 72.

русского языка в семейно-бытовой сфере, динамика его вытеснения итальянским (и немецким, у отдельных респондентов). Нам представлялось важным понять, существует ли у респондентов осознанная оценка роли того или иного языка, проявляется ли рефлексия по поводу идентичности и роли этнического языка в определении собственного места в быстро меняющемся мире, обостряется ли у них в условиях иноязычного – итальянского – окружения потребность относить себя к этническим сообществам, появляется ли в связи с вышесказанным необходимость обращения к культурным корням, в первую очередь, через язык. Все эти аспекты мы сочли значимыми, учитывая сложный, отчасти многослойный, характер возможности самоидентификации респондентов: как «россиян», как «представителей малых народов» – у бурят и калмыков, как «сибиряков» – у бурят и, наконец, как «монголов» – у всех респондентов. Наше исследование, направленное на определение параметров языковой и этнической самоидентификации респондентов, проводилось в период пандемии. Важно заметить, что при всех недостатках отсутствия непосредственных контактов, условия работы в режиме он-лайн в нашем случае заметно ускорили анкетирование, а также упростили организацию фокус-групп.

2. Методология

В качестве основных инструментов сбора информации в рамках исследования нами были использованы анкетирование и групповое интервьюирование. Оба инструмента опираются на метод эликации, заключающийся в получении непосредственной информации от респондентов с помощью заочного и очного опроса. Одновременное применение этих форм проведения опросов дает возможность получить данные как количественного, так и качественного характера. Информанты были отобраны в соответствии с двумя критериями. Первый критерий связан с принадлежностью респондентов к одной из рассматриваемых нами этнических групп; второй же обусловлен периодом их средне- или долгосрочного проживания в Италии. Все мероприятия двух этапов экспериментальной фазы исследования были проведены в сентябре 2020 года.

2.1. Первый этап исследования: анкета

Анкета относилась к первому этапу исследования и была направлена на сбор социолингвистических данных среди бурятских, калмыцких и монгольских мигрантов в итальянском контексте. В рамках социолингвистики анкета является наиболее распространенным исследовательским методом, поскольку она позволяет осуществить

быстрый и четкий сбор данных [Milroyetal., 2003; Tagliamonte, 2006]. Наша анкета состоит из четырех разделов:

1. вопросы о личных данных (возраст, пол, образование, профессия, место жительства и продолжительность жизни в Италии);
2. определение этнической принадлежности участников и членов их семей;
3. владение, использование и значимость для респондентов разных языков, при этом в расчет брались языки страны проживания (итальянский и немецкий), русский, английский языки, а также язык этноса участника;
4. символы и определение этнической идентичности.

Данная анкета была переведена с русского на языки страны проживания, т.е. на итальянский, а также на немецкий языки, поскольку в немецкоязычной части автономной области Трентино – Альто-Адидже – оба языка являются официальными.

С целью достижения максимального участия ссылка на анкету в формате GoogleForm была разослана по электронной почте и социальным сетям в сентябре 2020 г.

Сбор данных отвечал требованиям безопасности и конфиденциальности, поскольку все участники прочитали и согласились со следующими пунктами до выполнения анкеты: (а) участие в исследовании является добровольным; (б) все ответы будут записаны под псевдонимом, в целях абсолютной гарантии анонимности каждого участника; (в) полученные в анкете данные будут использоваться исключительно в пределах исследовательской группы, без передачи третьим лицам; (г) на всех этапах исследования полностью соблюдаются действующие правила конфиденциальности.

Анкетирование заинтересовало 29 человек: 19 респондентов заполнили русскую версию анкеты, 8 респондентов предпочли итальянскую версию, а 2 – вариант на немецком языке. Отвечая на вопрос об этнической принадлежности, 12 человек отнесли себя к калмыцкому этносу, 9 респондентов – к бурятскому, 7 – к халха-монгольскому этносу, из них 4 человека определили себя как «халх», а 3 – просто «монгол», один же респондент не отнес себя ни к одному из них. В отношении пола: число женщин (24 респондента) превзошло количество мужчин (4 респондента), а один человек предпочел не отвечать на этот вопрос. Что касается возраста, то в группе были представители разных поколений: 1 участник моложе 18 лет, 2 респондента – в возрасте от 18 до 25 лет, 5 информантов – от 26 до 35 лет, 7 – от 36 до 45 лет, 7 – от 46 до 55 лет, 5 – от 56 до 65 лет, а двум респондентам больше 65 лет. С точки зрения образования и профессии, группа является довольно гетерогенной: наиболее распространенный уровень образования – это университетский диплом о высшем образовании (11 респондентов); все 16 респондентов, работающие на данный момент, заняты в различных

профессиональных сферах. Все участники живут или жили в Италии, но 4 респондента в настоящий момент переселились в другие страны: в Австрию, Россию, Швейцарию и Украину. Из оставшихся 4 респондента живут на юге Италии (на Сицилии), 3 – в центре (в Тоскане), 16 человек – на севере Италии (в Ломбардии, Венето, Эмилии-Романье, Пьемонте, Фриули – Венеции Джулии, Трентино – Альто-Адидже).

2.2. Второй этап исследования: фокус-группа

На втором этапе исследования были запланированы заседания фокус-групп, которые послужили дополнением к анкетированию. Методологической и теоретической основой для создания и реализации нашего группового интервью стали публикации, посвященные описанию метода интервьюирования с позиции социологии [Белановский, 1996; Wilkinson, 2004; Smithson 2007; Onwuegbuzie et al., 2009; и др.] и социолингвистики [Becker, 2008], а также полевые исследования о лингвокультурной идентичности мигрантов разного происхождения в различных контекстах, в том числе бурят-мигрантов в Западную Европу [Хилханова, 2017] и российских мигрантов в Италию [Perotto, 2009].

Фокус-группа представляет собой «способ получения качественных данных, по существу, посредством вовлечения небольшого количества людей в неформальную групповую дискуссию (или дискуссии), сфокусированную вокруг определенной темы или ряда вопросов» [Wilkinson, 2004: 177]. В рамках социолингвистического исследования фокус-группа обладает некоторыми преимуществами. Для исследователя этот метод является быстрым и эффективным способом получения данных количественного характера от ряда лиц одновременно [Onwuegbuzie et al., 2009]; он дает возможность наблюдать за спонтанной речью, свидетельствующую о реальном функционировании языка или языков [Меретукова и др., 2012]; метод также позволяет следить за реакцией информантов, выявлять их отношение к поставленным вопросам, фиксировать изменения в групповой динамике [Зарубина и др., 2016]. Для респондента среда фокус-группы является комфортнее индивидуального интервью и способствует возникновению чувства принадлежности, побуждая его свободно и непринужденно выражать свои мысли, идеи и личное мнение [Krueger et al., 2000; Vaughn et al., 1996].

В контексте нашего проекта мы организовали две фокус-группы – деление было обусловлено языком проведения дискуссии: заседание первой группы (далее – ФГ1) проводилось на русском языке, а заседание второй (далее – ФГ2) – на итальянском. Встречи фокус-групп состоялись 26 сентября 2020 г. в режиме он-лайн на платформе Zoom. Продолжительность заседаний была спроектирована заранее – от одного до полутора часов;

протоколы встреч были записаны, транскрибированы и тагированы. Используемая символика псевдонимов связана с происхождением имен участников.

В ФГ1 приняло участие пять информантов, из которых двое представляют калмыцкий этнос (Ольга и Анна), двое – бурятский (Дарима и Аюр), одна участница – представительница халха-монгольского этноса (Нарантуя). Возрастная категория информантов, четыре из которых – женщины, а один – мужчина, – от 26 до 55 лет; у трех информантов имеется высшее образование, у одного – диплом бакалавра, а еще у одного – среднее профессиональное образование. Четыре респондента в настоящий момент живут в Италии, а один респондент в прошлом жил в Италии в течение 14 лет. В ФГ2 участвовало три информанта: две женщины и один мужчина (Тумур, Гармаа и Бадма), все – представители халха-монгольского этноса. Что касается возрастной категории участников, информанты условно представляют три разных поколения: младшее (18–25 лет), среднее (26–35 лет) и старшее (46–55 лет). В соответствии с возрастом у всех разные уровни образования: аттестат зрелости, диплом бакалавра, диплом о высшем образовании.

Сценарий проведения заседаний был одинаковым для обеих групп и состоял из начальной части, обсуждения, финальной части. В краткой начальной части модератор рассказал о проекте, его целях и перспективах, наметил тему дискуссии, дал всем участникам возможность представиться. Основная часть заседания условно обозначена нами как «обсуждение». Вопросы и стимулы для обсуждения были структурно распределены по четырем блокам:

1. Образ себя и другого в итальянском контексте (способы представления себя и своего происхождения; антропологические особенности и видение себя в ином контексте; восприятие итальянцами и итальянцев в процессе непосредственного контакта).

2. Определение и понимание Родины (родина и круг концептов, связанных с понятиями родины вообще, малой родины, Италии как «новой родины»; соотношение понятий родина и родной/этнический язык, их экзистенциальная сущность для определения места человека в мире вообще и в ситуации миграции в частности).

3. Языковая и культурная идентичность (языковая и культурная ассимиляция как угроза для культурной идентичности; важные элементы языкового и этнического самосознания участников дискуссии, их рефлексия о себе как о носителе этнической культуры).

4. Смешивание языков, интерференция и переключения с одного языка на другой (здесь обсуждались возможные изменения в функционировании родной речи участников, итальянские лексические интерференции, смешивание языков и механизмы их переключения).

Финальная часть заседания содержала заключительное слово модератора, который выразил свою признательность всем респондентам-участникам проекта.

3. Результаты и обсуждение

3.1. Обсуждение анкеты

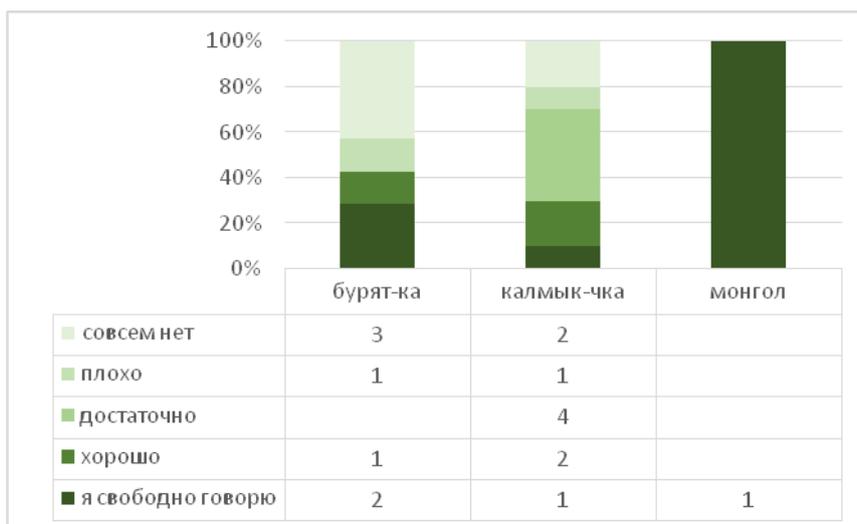
Несмотря на то, что на первом этапе исследования участвовало только 29 человек, выборка респондентов является довольно репрезентативной, поскольку абсолютное число иммигрантов-представителей монгольских этносов в Италии является ограниченным, а участникам присущи разнообразные личностные, профессиональные и социальные характеристики (ср. 2.1).

Сбор личных данных и самоопределение этнической принадлежности участников проекта в начале анкеты делает возможной перекрестную интерпретацию информации о языке и идентичности, которая следует из ответов в последующих разделах.

Числовые показатели таблицы (1) способствуют пониманию уровня транслингвизма респондентов, представителей бурятского, калмыцкого и монгольского этносов, отвечавших на вопрос «Знаете ли Вы язык своего этноса?» по шкале Ликерта, т.е. от «совсем нет» до «я свободно говорю».¹⁶

Таблица 1.

Ответы на вопрос «Знаете ли Вы язык своего этноса?»

¹⁶Поскольку в анкете не все вопросы требовали обязательного ответа, сумма ответов не всегда равняется числу респондентов.

Таблица (1) демонстрирует, как транслингвизм касается представителей бурятского и калмыцкого этносов, но не всех. Таблицы (2) и (3) показывают ответы на вопросы (2) «Вы говорите на родном языке своей матери?» и (3) «Вы говорите на родном языке своего отца?», с целью идентифицировать потерю языка от поколения к поколению.

Таблица 2.

Ответы на вопрос «Вы говорите на родном языке своей матери?»

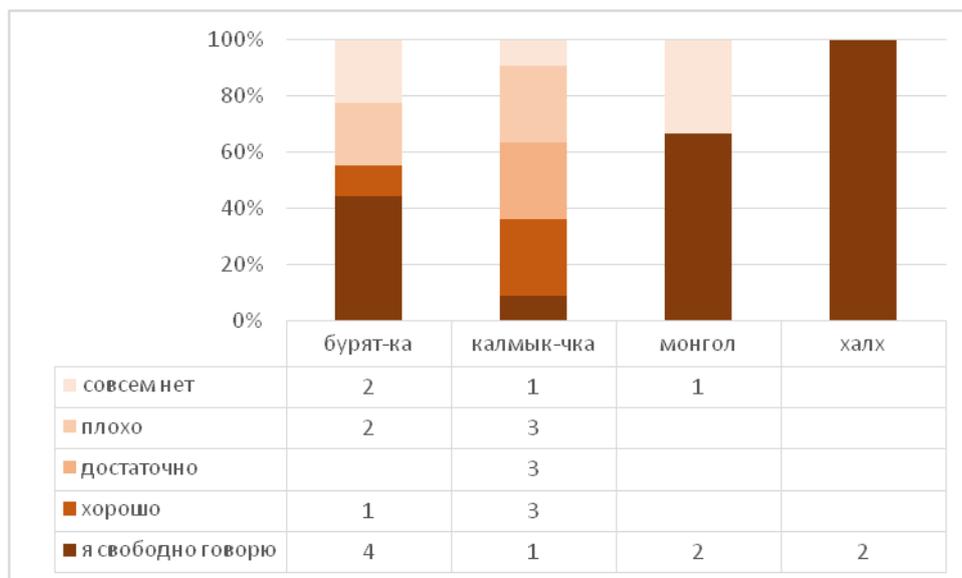
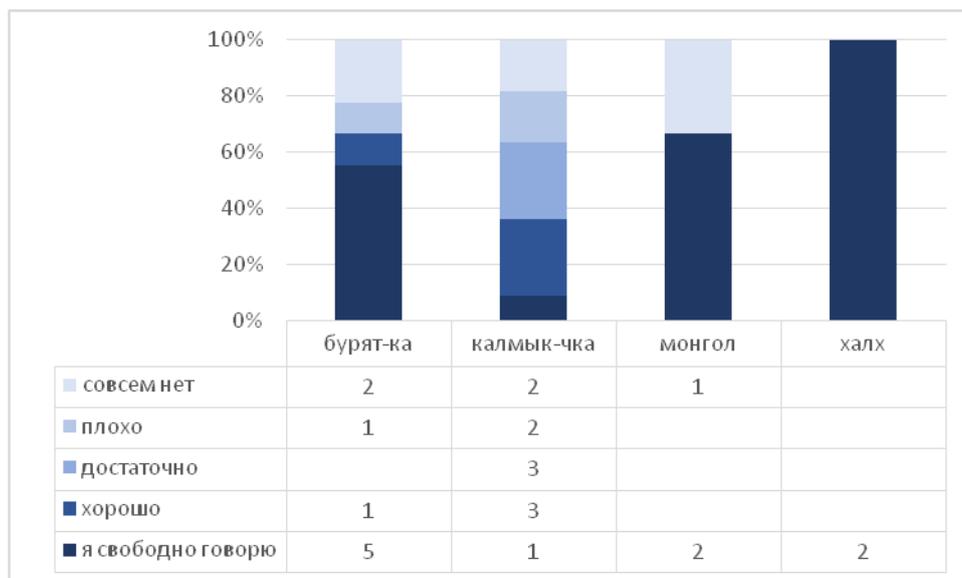

Таблица 3.

Ответы на вопрос «Вы говорите на родном языке своего отца?»

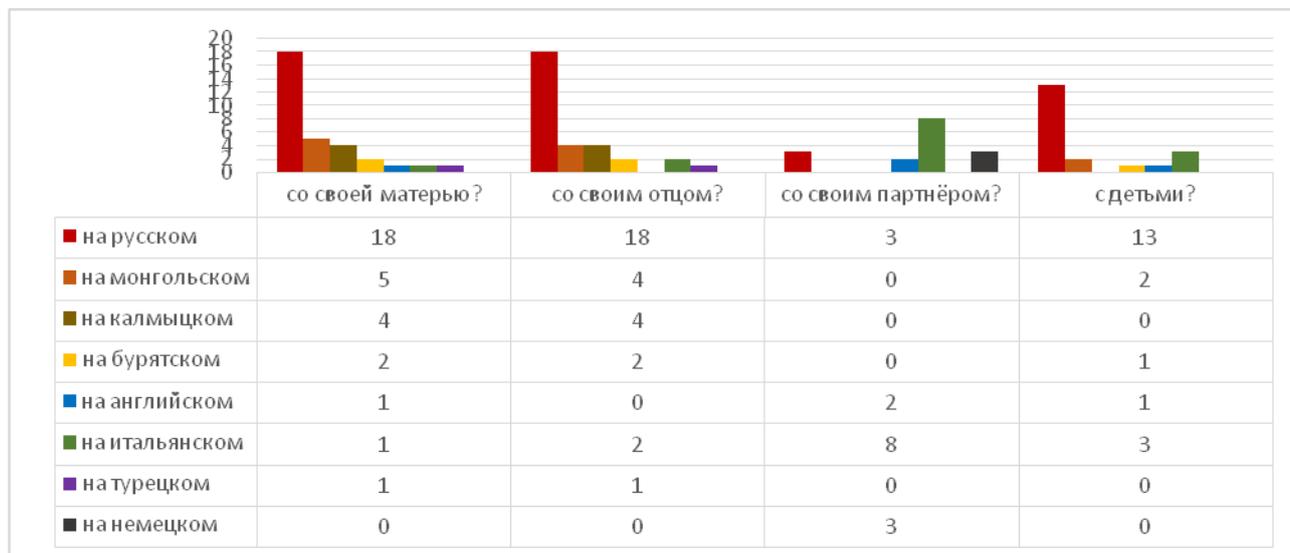
Таблицы (1), (2) и (3) свидетельствуют о том, что почти все представители халха-монгольского этноса (за исключением одного респондента) владеют языком своего этноса,

языком своих родителей. Буряты и калмыки имеют разные показатели в отношении к языку предков, колеблющиеся в пределах от полной потери до свободного владения языком. Интересно, что среди бурятских и калмыцких респондентов 12 человек признались, что во времена их детства взрослые в семье общались с детьми только на русском языке; пятеро из них также заметили, что взрослые между собой говорили на языке своего этноса, *де-факто* приучая новое поколение к русскоязычию. Несмотря на это, всего 8 респондентов владеют только русским языком с детства; все остальные являются либо билингвами (русско-калмыцкий/бурятский/итальянский/немецкий/монгольский и итало-монгольский), либо полиглотами.

Перемена в языковых привычках и устоях в миграционном контексте представлена в таблице (4), где респонденты отвечали на вопрос «На каком языке вы общаетесь/общались с <разными членами семьи>?».

Таблица 4.

Ответы на вопрос «На каком языке вы общаетесь/общались с <разными членами семьи>?»

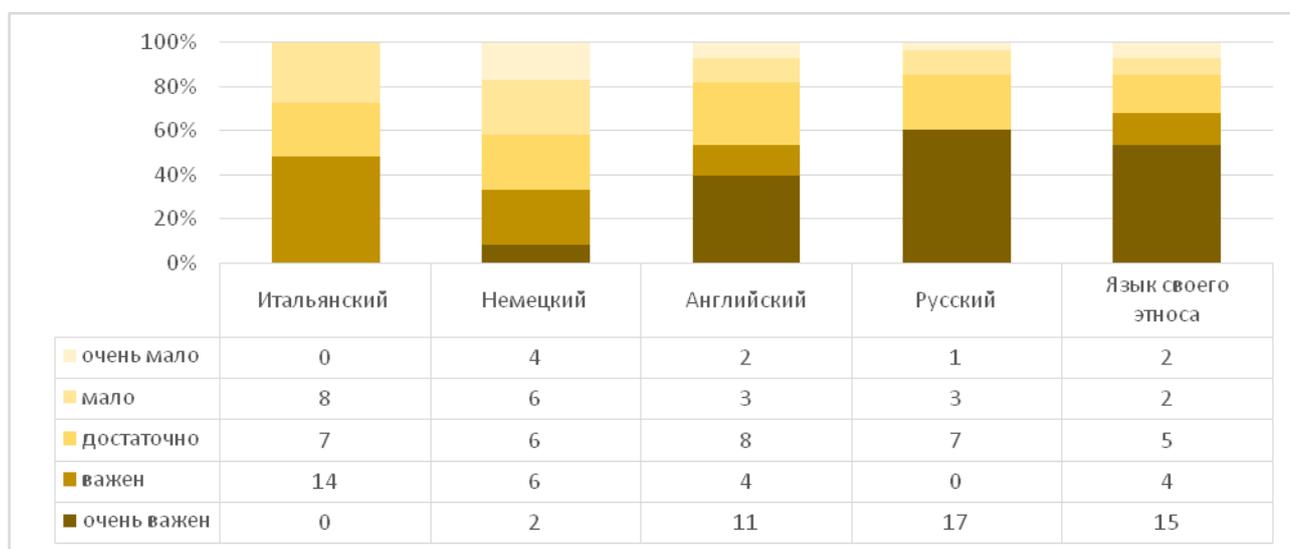
Данные таблицы (4) показывают, что большинство респондентов общается или общалось с родителями на русском языке, меньшинство же – на монгольском, бурятском и калмыцком языках. В смешанных парах респонденты общаются с партнером либо на языке страны проживания (т.е. на итальянском или на немецком языках), либо на *linguafranca* (т.е. на английском языке). Для сохранения родного языка довольно значимым является использование языка в общении с детьми. Таблица (4) демонстрирует, что большинство респондентов общается со своими детьми на более распространенном в их отечестве языке, т.е. на русском

или на монгольском; три респондента пользуются итальянским языком, и только один респондент решил передать своим детям знание бурятского языка, т.е. язык меньшинства в русскоговорящем контексте.

Данные таблицы (5) важны для определения значимости разных языков для респондентов и являются ответами на вопрос анкеты «Как важны для Вас следующие языки?» по шкале Ликерта, т.е. от «очень мало» до «очень важен».

Таблица 5.

Ответы на вопрос «Как важны для Вас следующие языки?»

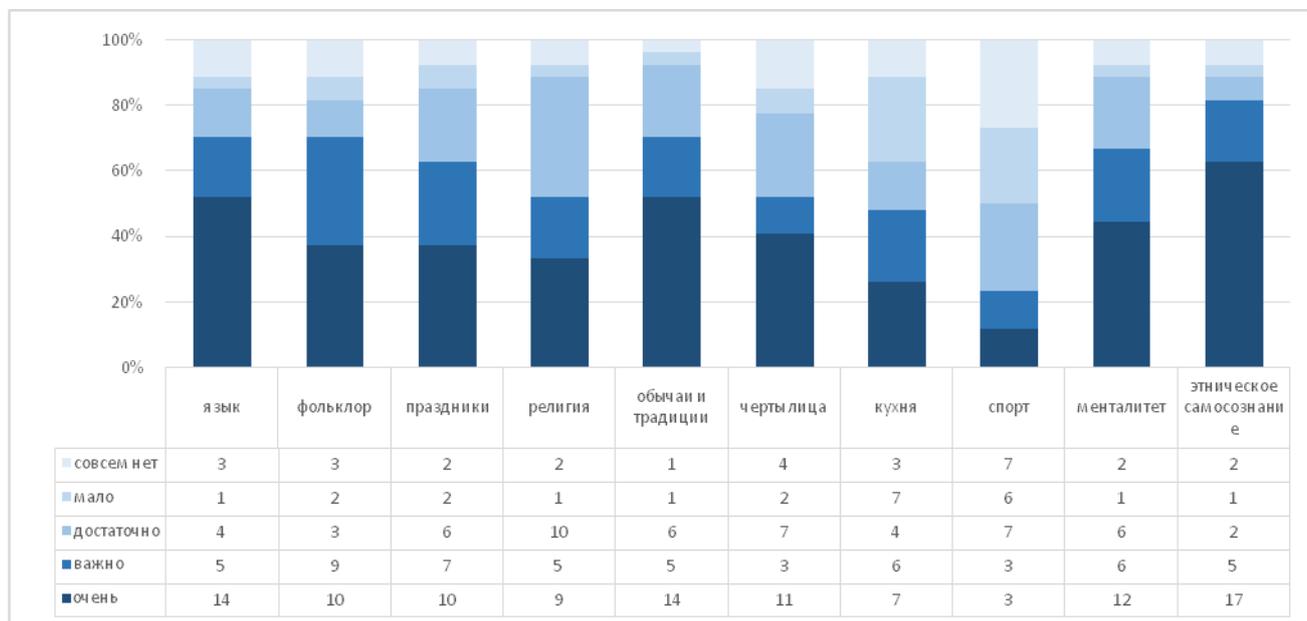

Несмотря на то, что не все монголы из Монголии и только один представитель бурятского народа общаются с детьми на языке своего этноса, 70% респондентов считает его важным или очень важным. Очень важным русский язык признается 17 респондентами (19 человек ответили на анкету именно на русском языке, ср. 1.2). Хотя большинство респондентов ценит языки миграционного контекста, т.е. итальянский и немецкий, довольно высокую оценку получил английский язык, который является языком международного общения, но не родным ни в Италии, ни в России, ни в Монголии.

Язык является одним из компонентов этнической идентичности, наряду с другими символами – таблица (6) иллюстрирует ответы на вопрос «Насколько важны, на Ваш взгляд, следующие факторы для определения Вашей этнической идентичности?» по шкале Ликерта от «совсем нет» до «очень». Вместе с языком в этой части анкеты содержатся такие факторы, как фольклор, праздники, религия, обычаи и традиции, черты лица, кухня, спорт, менталитет, этническое самосознание.

Таблица 6.

Ответы на вопрос «Насколько важны, на Ваш взгляд, следующие факторы для определения Вашей этнической идентичности?»

Все факторы, за исключением «спорта», большая часть респондентов считает важными или очень важными. В частности, «этническое самосознание» является важным или очень важным для 80% респондентов, а «язык», «фольклор», «праздники», «обычаи и традиции» и «менталитет» – для более 60% участников.

3.2. Обсуждение фокус-групп

Отправной точкой для проведения дискуссии являлась проблема о стратегиях самоопределения при знакомстве в миграционном контексте. В ФГ1, состоящей преимущественно из представителей бурятского и калмыцкого этнических меньшинств, наблюдается тенденция респондентов объяснить свое происхождение итальянцам с помощью упрощений. На вопрос «Откуда Вы/ты?» почти все респонденты дают одинаковый ответ «Я из России». Однако при подчеркнутым всеми участниками недоумении итальянцев, вызванном азиатской внешностью, все готовы дополнить свой ответ, разъясняя, например: «Россия – это Федерация, около двухсот народов. В том числе, и калмыки. Я – калмычка» (Ольга, 36–45)¹⁷. Или другой участник: «Иногда я говорю “из России”, иногда “из Сибири”. Когда из Сибири, все сразу понимают откуда. Или говорю “где озеро Байкал”, или иногда говорю “из Республики Бурятия”, говорю, что она находится над Монголией... зависит от собеседника»

¹⁷ Во всех цитатах с ответами респондентов сохранены стилистические особенности их устной речи.

(Аюр, 26–35). Только Дарима (26–35) применяет иную стратегию: *«Я живу здесь в Италии около десяти лет. Первые, примерно семь-восемь лет, я также говорила, что я из России, но в последние годы я поняла, что лучше представляться сразу, в моем случае, как этническая бурятка. Очень многие не знают, кто такие буряты, я объясняю, что это самое крупное сибирское этническое меньшинство. [...] Если я говорю, что я из России, очень многие сразу не верят мне, думают, что я шучу, прикалываюсь, смеюсь над ними»*. Гораздо менее проблематичным является ответ халха-монголов: *«Я из Монголии»*.

Большинство респондентов описывает итальянский народ положительным образом, ассоциируя его с понятиями «открытость», «человечность», «замечательные люди», «доброжелательные», «любопытные», «толерантные». Некоторые сообщают, что сталкивались и до сих пор сталкиваются, хотя реже, с проявлениями расизма, иногда превращающееся не только в вербальное, но даже и в физическое насилие. В частности, об этом говорят представители всех возрастных групп халха-монголов, которые жили или живут в маленьких населенных пунктах. Интересно, что общим местом являлась ситуация, когда итальянцы ассоциировали их с человеком, страдающим синдромом Дауна¹⁸: *«В первый раз, когда я приехала в Италию [в 1998 г. – Дж. П.], здесь еще практически не было монгольских иммигрантов. [...] Однажды ко мне подошла одна дама, посмотрела мне в глаза, немного понаблюдала за моим лицом и сказала мне: “Ты – монголка, но красивая”. Я не поняла, о чем это она. [...] Затем к ней подошел один мой друг и сказал ей: “Что вы себе позволяете? Она – монголка по национальности, не по патологии”. Таким образом я поняла, что дама говорила о синдроме Дауна, потому как в то время быть монголом означало иметь такой синдром»* (Бадма, 46–55); *«это прозвище в ходу у многих молодых людей, особенно на юге Италии; они часто используют слова “монголоид”, “монгол”»* (Гармаа, 26–35).

Что касается понятия «Родины», все представители бурятской и калмыцкой эмиграции сразу ссылаются на понятие «малой Родины», т.е. «родной природы», «родных людей», «предков», «родников», «источников»: *«Родина для меня, конечно, это, скорее всего, моя малая Родина, где я родился, вырос. Это Джидинский район [в Республике Бурятия – Дж. П.]»* (Аюр, 26–35); *«Родина для меня – это, наверное, конкретно Калмыкия, это степи, это простор»* (Анна, 46–55). Одна из участниц, Дарима (26–35), родилась на северо-востоке России. Вот что она рассказывает: *«Первые 15 лет моей жизни я прожила в Магадане [...]. Я поняла, что я не*

¹⁸В прошлом в итальянском языке слова «mongolo» («монгол») или «mongoloide» («монголоид») использовались в отношении человека, страдающего синдромом Дауна. В разговорной речи они несли в себе оскорбительную нагрузку и применялись в качестве синонима слова «дурак». Однако в последние десятилетия эти лексические единицы выходят из общего словоупотребления, оставаясь исключительно в функциональном поле антропологии и этнографии.

могу привязать слово “Родина” к месту, где я выросла. В любом случае, я не чувствую это место, я там выросла, там ходила в школу, все мои друзья оттуда [...], но меня не тянет туда. Я поняла, что Родина, возможно, для меня ассоциируется с родом, с местом, где жили мои предки, так как я закаменская – это район Республики Бурятия – и я привязываю Родину именно к этому месту, где они выросли, и куда я приезжала летом, и где я видела своих бабушек и дедушек[...]. Когда я путешествую по России, я всегда чувствую, что эта страна не моя [...], даже в Москве, в Санкт-Петербурге я не чувствую себя как дома, я не чувствую себя частью общества».

Внутри группы представителей халха-монгольского происхождения образ Родины складывается по-разному и тесно связывается с личной историей каждого. Например, Нарантуя (46–55) родилась в Монголии, но переехала в Москву очень маленькой. Она начала говорить по-монгольски, только когда стала взрослой, после окончания университета: *«Я чуть ли не родилась в России, т.е. в СССР. Когда мне было два года, наша семья уже была в Москве, в монгольском представительстве при СЭВ. Поэтому получается, что начало как бы было поставлено в Москве. [...] В Москве был такой даже случай, что я [...] до того была внедрена в эту ambiente¹⁹, московскую, что, когда моя родная старшая сестра пришла со мной поиграться, я побежала жаловаться моим родителям, что большая монгольская девочка надо мной издевается [...]». Поэтому для меня Москва – это [...] одна из малых Родин».* Гармаа (26–35) переехала в Италию с матерью, когда ей было 17 лет. Вот что она сообщает: *«Да, я родилась и выросла в Монголии, моя культурная основа монгольская, но я сформировалась здесь, в Италии. [...] Поскольку я больше чувствую себя итальянкой, мне необходимо вновь открыть свои корни [...]». Когда я езжу за границу и возвращаюсь в Италию, то это как если бы я вернулась в Монголию, т.е. как если бы я вернулась на родину».* Особым случаем является Тумур (18–25), который родился в Турции у монгольских родителей, хотя его отец *«себя идентифицирует как казах»*, поскольку принадлежит к казахскому меньшинству, проживающему на территории Монголии. Для него понятие «Родины» совпадает с Монголией, но только в силу того, что у него *«в паспорте обозначена монгольская национальность»*. Вот его история: *«Я родился в Турции. Когда мне было пять лет, я переехал в Китай. В одиннадцать лет я вновь вернулся в Турцию, где я должен был почти снова научиться турецкому, потому как говорю по-турецки с китайским акцентом [...]». Через четыре года-пять лет я должен был поехать в Монголию. Не зная ни языка, ни культуры, но будучи монголом, было немного странно, я чувствовал себя иностранцем на своей родине. Через шесть-семь месяцев сплошной путаницы, в шестнадцать лет, я приехал сюда, в Италию».*

¹⁹ Среда (ит.)

В общем, респонденты демонстрируют разное отношение к восприятию Италии в качестве второй или обретенной родины. Гетерогенность ответов в значительной степени объясняется различным семейным статусом респондентов и разными перспективами проживания в этой стране: *«В Италии, когда я уже вышла замуж [за итальянца – Дж. П.] и родились дети, то мой дом уже Италия стала, т.е. я чувствую себя здесь уже, скажем так, в своей тарелке»* (Ольга, 36–45); *«Я никогда не думал об Италии как о родине, но лишь как о месте, где у меня есть друзья [...]; не знаю, хотел ли бы я всю жизнь прожить здесь»* (Тумур, 18–25).

Большинство респондентов считают язык самым важным элементом своей этнической принадлежности и, следовательно, своей идентичности: *«потеря языка – это потеря своей идентификации. Это страшно»* (Ольга, 36–45); *«без языка невозможно быть монголами»;* *«если я не говорю по-монгольски, я не могу определяться как “монголка”»* (Гармаа, 26–35); *«если есть язык, [...] есть и фольклор, народные традиции, народные песни, народные сказания [...], духовное состояние каждого человека»* (Аюр, 26–35); *«когда умирает последний носитель языка, умирает нация»* (Нарантуя, 46–55). Однако следует заметить, что признание значимой роли языка для самоидентификации для половины респондентов соотносится с нулевым уровнем их лингвистической компетенции в этническом языке: один из двух респондентов бурятского происхождения и все респонденты калмыцкого происхождения сообщают, что не владеют или плохо владеют бурятским или калмыцким языком, хотя *«чуть-чуть [его] понимаю[т]»*. Среди халха-монгольских респондентов трое считают монгольский язык своим родным, и лишь Тумур (18–25) сообщает, что его не знает, хотя утверждает: *«понимаю немного, поскольку, если моя мама говорит мне фразу из восьми слов, только два из них я понимаю [...]. Если она мне говорит: “Тарелки, помыть!” – тогда я понимаю, чего она от меня хочет»*.

Во всех случаях незнание этнического языка сопровождается чувством глубокого сожаления и даже стыда: *«калмыцкий язык я знаю очень плохо, хотя мне очень жалко и хотелось бы знать»* (Ольга, 36–45); *«Это прискорбно, что я не знаю свой язык. Потому, что я жила в Альпах, где живут малые народности Италии, это ладины²⁰. Они между собой общаются только на своем ладинском языке. И когда они у меня спрашивали, знаю ли я свой калмыцкий язык, мне было очень стыдно»* (Анна, 46–55). Отсюда и желание его изучать: *«я пытаюсь учить [калмыцкий язык – Дж. П.]. [...] я понимаю то, что говорят, но сказать [...] фразу полностью на калмыцком языке тяжело. Я могу вставить русские слова, и мы таким*

²⁰ Ладины – это этническое меньшинство, проживающее в автономных областях Трентино – Альто-Адидже и Фриули – Венеция Джулия и говорящее на ладинском языке.

образом якобы говорим на калмыцком. [...] Я хочу изучить свой язык, поправить эту ошибку, потому что изучать другие языки – это хорошо, но изучать родной язык – это необходимость, живя здесь за границей» (Анна, 46–55).

Намерение изучать этнический язык отвечает потребностям вновь открыть для себя свои источники и, таким образом, вновь обрести свою идентичность: *«Я не говорю на бурятском языке, мои родители мало в детстве со мной разговаривали, поэтому я понимаю закаменский диалект, но, к сожалению... До двадцати пяти-шести лет мне казалось, зачем мне изучать бурятский, лучше итальянский, английский, немецкий [...]. Но, видимо, с возрастом я поняла, что надо возвращаться к своим корням, начала изучать его. [...] Только сейчас я понимаю, насколько это важно» (Дарима, 26–35).*

Это желание реапроприации личной идентичности посредством этнического языка совпадает с признанием необходимости защитить коллективную идентичность своего этноса от угрозы исчезновения, вызванной процессом ассимиляции в глобальном мире: *«Я всегда говорю даже моим друзьям бурятам, которые по-бурятски не говорят: “Учите свой язык!” [...] Плохо говорить, хорошо говорить, это неважно. Главное, вы должны сами знать язык и учить своих детей родному языку, по-другому никак не получится [...]. Носитель языка – это всегда продолжатель своего рода» (Нарантуя, 46–55); «У меня есть племянники, которым шесть, пять лет и еще десять, они родились в деревне, но они не разговаривают на родном языке [т.е. бурятском – Дж. П.]. Они понимают, но не разговаривают. И я подумала, говорю: “Мама, тетя, дядя, говорите на родном языке”, хотя бы не на литературном бурятском, но на своем диалекте. [...] В школе все предметы объясняют на русском языке и еще сейчас в телефоне, в ютубе, в интернете все на русском языке все смотрят, и поэтому [...] большая часть информации, которую получает и отрабатывает мозг, получается же на русском языке, и в результате бурятский язык остается на втором плане и даже забывается» (Аюр, 26–35).*

Интересно заметить, что языковую лакуну в сохранении своей этнической идентичности респонденты компенсируют другими формами культурного проявления, как, например, фольклором, национальной кухней, праздниками: *«Я не знаю калмыцкий язык. Зато я умею танцевать калмыцкие танцы и то, что я умею я пытаюсь передать [...]. Я и детей учу танцевать» (Ольга, 36–45); «Я живу уже почти двадцать лет за границей [...]. Раньше, может быть, меня многое не интересовало, но, живя далеко от родины, маленькой родины, ты начинаешь по-другому осознавать все эти праздники, обычаи, тебе хочется этого [...]. Я хочу себе калмыцкий костюм купить» (Анна, 56–65).* Данные стратегии компенсации выражаются и на уровне «этнического активизма» [Хилханова, 2017] посредством организации

и участия в этнокультурных мероприятиях для того, чтобы поддержать культуру своего этноса и привить чувство этнического самосознания своим детям: *«мои дети говорят по-русски, я даже их возила в Калмыкию, но мой сын однажды вышел из школы и сказал: “Мама, но мы же не китайцы?”*, а я говорю: *“Нет, мы же говорим по-русски, да?”*. “Да”. *“Ты же видел калмыков?”* “Да”. *“Вот, ты калмык”*. Ему тяжело было это осознать. В прошлом году, на фестиваль в [городе – Дж. П.] Пезаро приехала калмыцкая группа из калмыцкой гимназии [...] и мы поехали на эту встречу. И вот они общались с детьми целыми днями, с утра до вечера [...] и когда мы возвращались домой уже в машине я говорю: *“Теперь ты понял, кто ты?”*. *“Да, сейчас я понял”*; до этого ему было тяжело понять, ему казалось, что он один на свете, *“некитайский”, азиатский мальчик»* (Ольга, 36–45).

Последняя часть коллективного обсуждения касалась проблемы интерференции итальянского языка в русской или монгольской речи респондентов. Перед тем, как прокомментировать ответы, важно заметить, что большинство респондентов сообщают, что они работали или до сих пор работают профессиональными переводчиками, что влияет на их «контроль» над осознанным использованием языков: *«У меня был опыт работать переводчиком, когда нельзя было [...] показать свою компетентность... заговорить на одном языке вместо другого, поэтому это я очень контролирую»* (Ольга, 36–45); *«Теперь я уже умею хорошо различать все мои мысли на монгольском и итальянском; значит, я могу очень хорошо выражаться на обоих языках, тоже потому, что при постоянной работе переводчицей [...], у меня очень хорошо получается переводить все понятия в обоих направлениях»* (Гармаа, 26–35). Смешивание языков воспринимается большинством респондентов в качестве некорректности: *«Я вообще не люблю перемешивать слова [...], я это считаю некорректно»* (Нарантуя, 46–55). По мнению участников заседания, межъязыковая интерференция могла бы отрицательно влиять на овладение детьми родным (в данном случае – русским) языком: *«Я стараюсь, чтобы дети говорили и понимали по-русски, поэтому в русский язык я стараюсь не вставлять итальянские слова, чтобы у них для каждого итальянского слова был аналог на русском языке [...]. Поэтому я слежу за чистотой языка»* (Ольга, 36–45).

Смешивание языков случается только на бытовом уровне для того, чтобы выразить итальянские реалии; например: *«[я использую словосочетание] permesso di soggiorno²¹, потому что на монгольском эквивалента нет»*. Любопытной является семейная ситуация Тумура (18–25), который сообщает: *«когда говорю со своей мамой, у меня смесь языков: [...] у нас базовым является турецкий, но проскакивают слова английские, китайские, итальянские»*.

²¹ Официальный документ, эквивалентный разрешению на временное проживание, вид на жительство.

4. Заключение

Проведенное нами исследование выявило целую серию интересных обстоятельств. Оно показало, что в современных реалиях эмиграция перестает восприниматься людьми как некая оторванность от родины, от корней и собственной культуры. Всепроникающая коммуникация в виртуальном пространстве создает иллюзию отсутствия дистанции с родиной. Представители монголоязычных народов в Италии живут без стремления создавать большие группы, их существование невозможно охарактеризовать как жизнь в диаспоре, в силу сравнительной малочисленности самих мигрантов. Тем не менее, пребывание за рубежом усиливает у людей желание определить свое происхождение и собственное место в этом многообразном мире – это значит, что иммигрантам присуща рефлексия на предмет собственного этнического происхождения. Речь идет об «умеренной актуализации этнической идентичности в инокультурной среде» [Хилханова, 2017: 47]. Исследование показало парадоксальное несоответствие между уровнем владения этническим языком и признанием языка в качестве важнейшего компонента этнической культуры. Мы также выявили, что при наблюдающемся транслингвизме (в случае с «российскими монголами»), при отсутствии знаний и практики речи на родном языке, у них возникает установка на изучение языка предков. В целом респонденты хорошо интегрируются в повседневную жизнь в местных условиях и, в зависимости от личного характера, музыкальной и хореографической профессиональной подготовки, проявляют черты «этнического активизма» [Хилханова, 2017] – участвуют в фестивалях, концертах, в фольклорных мероприятиях, что выступает в качестве компенсаторного механизма в отношении неполноценного владения языком своего этноса. Некоторые респонденты, например, специально выезжают на празднование Нового года по буддийскому календарю (праздник Белого месяца, Сагаалган/Сагаан сар), что говорит о проявлении «символической этничности» [Gans, 2010]. В целом все респонденты проявили высокий уровень этнического самосознания, что еще раз подтверждает тенденцию в современном обществе: когда мир все более становится глобальным, но в нем остается место красочному многообразию и специфике. Это проявляется и на групповом уровне, но в еще большей степени – становится поводом самоопределения на глубоком, личностном, уровне.

Литература

- Белановский С.А. (1996) Метод Фокус-групп. М.: Издательство Магистр. 272 с.
- Биткеева А.Н. (2016) Родной язык в контексте многонационального государства. Вестник КИГИ РАН. № 5. С.146–162.
- Дырхеева Г.А. (2018) Языковая ситуация в Республике Бурятия. Мир Большого Алтая. № 4 (2). С. 302–320.
- Зарубина Е.В. Фатеева Н.Б. (2016) Количественные методы изучения организационной культуры предприятия. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://aon.urgau.ru/ru>. Дата обращения: 22.10.2020.
- Малгатаева Д.Д. (1995) Население Бурятии: тенденции формирования и развития. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН. 131 с.
- Меретукова З.Б., Ландер Ю.А. (2012) Полевое исследование языка: свидетельство информанта. Полевые исследования студентов РГГУ: Этнология, фольклористика, лингвистика, регионоведение. Вып. 7. Под науч. ред. Д.П.Бака, В.В.Минаева. М.: РГГУ. С. 266–270.
- Сусеева Д.А. (2018) Калмыцкий язык и языковая ситуация в Республике Калмыкия: прошлое и настоящее. Вестник Калмыцкого университета. № 37 (1). С. 106–120.
- Хилханова Э.В. (2017) Стратегии репрезентации этничности в миграционном контексте: на примере бурят-мигрантов в Западной Европе. Мир Центральной Азии. № 4. С. 44–47.
- Хилханова Э.В. (2020) Многоязычие постсоветской миграции: функциональный аспект [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://sociolinguistics.ru>. Дата обращения: 22.10.2020.
- Becker K. (2013) The sociolinguistic interview. Data collection in Sociolinguistics. Ed. by C.Mallinson, B. Childs, G.Van Herk. New York, Routledge, pp. 91–100.
- Caritas In Migration (2019). Available at: https://inmigration.caritas.it/sites/default/files/2019-10/Slides%20Presentazione_0.pdf. Дата обращения: 4.10.2020.
- Gans H.J. (2010) Reflections on symbolic ethnicity. A response to Y. Anagnostou. Ethnicities, Vol. 9, no. 1, pp. 123–130.
- Krueger R.A., Casey M.A. (2000) Focus groups: A practical guide for applied researchers (3rd ed.). Thousand Oaks, CA, Sage. 215 p.
- Milroy L., Gordon M. (2003) Sociolinguistics: Method and interpretation. Oxford, Blackwell. 276 p.
- Onwuegbuzie A.J. et al. (2009) A qualitative framework for collecting and analyzing data in focus group research. International journal of qualitative methods. Vol. 8, no. 3, pp. 1–21. DOI: 10.1177/160940690900800301
- Perotto M. (2009) Lingua e identità dell'immigrazione russofona in Italia. Napoli, Liguori. 178 p.
- Tagliamonte S.A. (2006) Analysing Sociolinguistic Variation. Cambridge, Cambridge University Press. 368 p.
- Tutta Italia (2019a). Available at: <https://www.tuttitalia.it/statistiche/cittadini-stranieri/federazione-russa/>. Дата обращения: 4.10.2020.
- Tutta Italia (2019b). Available at: <https://www.tuttitalia.it/statistiche/cittadini-stranieri/mongolia/>. Дата обращения: 4.10.2020.
- Vaughn S., Schumm J.S., Sinagub J. et al. (1996) Focus group interviews in education and psychology. Thousand Oaks, Sage. 173 p.
- Wilkinson S. (2004) Focus Group Research. Qualitative research: Theory, method and practice. Ed by D. Silverman. Thousand Oaks, CA, Sage, pp. 177–199.

References

- Becker, K. (2013) The sociolinguistic interview. Data collection in Sociolinguistics. Ed. by C. Mallinson, B. Childs, G. Van Herk. New York, Routledge. Pp. 91–100.
- Belanovskii, S.A. (1996) Metod Fokus-grupp [The method focus group]. M.: Izdatel'stvo Magistr, 1996. 272 p. (In Russ.)
- Bitkeeva, A.N. (2016) Rodnoi iazyk v kontekste mnogonatsional'nogo gosudarstva [Mother language in the context of multilanguage state]. Vestniki KIGI RAN. Issue 5. Pp.146–162. (InRuss.)
- Caritas In Migration (2019). Available at: https://inmigration.caritas.it/sites/default/files/2019-10/Slides%20Presentazione_0.pdf. Access date: 4.10.2020.
- Dyrkheeva, G.A. (2018) Iazykovaia situatsiia v Respublike Buriatii [The linguistic situation in the Republic of Buryatia]. Mir Bol'shogo Altaia. Issue 6(2). Pp. 302–320. (InRuss.)
- Gans, H.J. (2010) Reflections on symbolic ethnicity. A response to Y. Anagnostou. Ethnicities, Vol. 9, no. 1. Pp. 123–130.
- Khilkhanova, E.V. (2017) Strategii reprezentatsii etnichnosti v migratsionnom kontekste: na primere buriat-migrantov v Zapadnoi Evrope [Strategies of ethnic representation in the migration context: the example of Buryat migrants in Western Europe]. Mir Tsentral'noi Azii. Issue 4. Pp. 44–47.
- Khilkhanova, E.V. (2020) Mnogoiazychie postsovetskoii migratsii: funktsional'nyi aspekt [Multilingualism of the Post-soviet migration: functional aspect]. [online] Available at: <https://sociolinguistics.ru>. Access date: 22.10.2020. (In Russ.)
- Krueger, R.A., Casey, M.A. (2000) Focus groups: A practical guide for applied researchers (3rd ed.). Thousand Oaks, CA, Sage. 215 p.
- Malgateva, D.D. (1995) Naselenie Buriatii: tendentsii formirovaniia i razvitiia [The population of Buryatia: tendency of formation and development]. Ulan-Ude: BNTs SO RAN. 131 p.
- Meretukova, Z.B., Lander, Yu.A. (2012) Polevoe issledovanie iazyka: svidetel'stvo informanta [Language field research: the informant's evidence]. Polevye issledovaniia studentov RGGU: Etnologii, fol'kloristika, lingvistika, regionovedenie. Vol. 7. Pod nauch. red. D.P. Baka, V.V. Minaeva. M.: RGGU. Pp 266–270. (In Russ.)
- Milroy, L., Gordon, M. (2003) Sociolinguistics: Method and interpretation. Oxford, Blackwell. 276 p.
- Onwuegbuzie A.J. et al. (2009) A qualitative framework for collecting and analyzing data in focus group research. International journal of qualitative methods. Vol. 8, no. 3. Pp. 1–21. DOI: 10.1177/160940690900800301
- Perotto, M. (2009) Lingua e identità dell'immigrazione russofona in Italia. Napoli, Liguori. 178 p.
- Suseeva, D.A. (2018) Kalmytskii iazyk i iazykovaia situatsiia v Respublike Kalmykiiq: proshloe i nastoiashchee [Kalmyk language and linguistic situation in the Republic of Kalmykia: past and present]. Vestnik Kalmytskogo universiteta, issue 37(1). Pp. 106–120.
- Tagliamonte, S.A. (2006) Analysing Sociolinguistic Variation. Cambridge, Cambridge University Press. 368 p.
- Tutta Italia (2019a). Available at: <https://www.tuttitalia.it/statistiche/cittadini-stranieri/federazione-russa/>. Access date: 4.10.2020.
- Tutta Italia (2019b). Available at: <https://www.tuttitalia.it/statistiche/cittadini-stranieri/mongolia/>. Access date: 4.10.2020.
- Vaughn, S., Schumm, J.S., Sinagub, J. et al. (1996) Focus group interviews in education and psychology. Thousand Oaks, Sage. 173 p.
- Wilkinson, S. (2004) Focus Group Research. Qualitative research: Theory, method and practice. Ed by D. Silverman. Thousand Oaks, CA, Sage, pp. 177–199.
- Zarubina, E.V., Fateeva, N.B. (2016) Kolichestvennye metody izucheniia organizatsionnoi kul'tury predpriatiia [Quantitative methods for the study of the cultural organisation enterprise]. [online] Available at: <http://aon.urgau.ru/ru>. Access date: 22.10.2020.

Артони Даниэле – PhD, доцент, научный сотрудник кафедры русского языка факультета иностранных языков и литературы Веронского университета

Адрес: 37129, Италия, Верона, Via Lungadige Porta Vittoria, 41

Эл. адрес: daniele.artoni@univr.it

Помаролли Джорджа – PhD, доцент, стажер-исследователь кафедры русского языка факультета иностранных языков и литературы Веронского университета

Адрес: 37129, Италия, Верона, Via Lungadige Porta Vittoria, 41

Эл. адрес: giorgia.pomarolli@univr.it

Урханова Римма Алексеевна – кандидат философских наук, доцент при Лингвистическом центре Веронского университета

Адрес: 37129, Италия, Верона, Vicolo Campofiore, 2

Эл. адрес: rimma.urkhanova@univr.it

Для цитирования: Артони Даниэле, Помаролли Джорджа, Урханова Р.А. Культурная и языковая идентичность бурятских, калмыцких, монгольских иммигрантов в Италии [Электронный ресурс]. Социолингвистика. 2021, No 1(5). С. 91–112. DOI: 10.37892/2713-2951-2021-1-5-91-112

For citation: Artoni Daniele, Pomarolli Giorgia, Urkhanova R.A. Cultural and linguistic identity of Buryat, Kalmyk, and Mongolian immigrants in the Italian context. Sociolinguistics, 2021, no. 1(5) [online], pp. 91–112. (In Russ.) DOI: 10.37892/2713-2951-2021-1-5-91-112